

**Гузий В. Чукчуду: Стихи. – Новосибирск,
2008. – 392 с.**

«Чукчуду» – третья книга В. Гузиева («Образ действия», 2004; «Пересечение дорог», 2004). В неё вошли стихотворения, написанные в разные годы.

Сборник состоит из нескольких разделов: «День брусники», «Лучшая дорога нашей жизни», «Дорога на Кодар», «Цветы у зимовья», «Странные люди», «Пересечение дорог», «Торжище», «Эхо», «Голубика».

Своеобразным вступлением к книге стали первые четыре стихотворения, в которых поэт обозначает свои жизненные и творческие позиции. Открывается сборник стихотворением «Чукчуду»: Чукчуду – название реки, в переводе с эвенкийского – «вернуться по кругу». С рекой, которая «то ли от шалости, то ль от испуга» постоянно возвращается «к истокам», поэт сравнивает свою жизнь: «На трассы прямые всё время надеюсь, / Но к бурным порогам я снова приду. / Куда же я денусь, куда же я денусь, / Если вся жизнь у меня – Чукчуду?». В стихотворении «Слова имеют свойство воплощаться...» В. Гузий сформулировал своё поэтическое кредо: «Не надо никогда писать о смерти. / Писать о гибели подталкивают черти. / Господь диктует о любви писать, о счастье. / Писать о детях, о друзьях, о доме, / О снеге, о дожде, озёрах, травах. / Писать о смерти – тёмная забава... / Пусть я тоскую, злосю, болею, плачу, / Но не спешу от тяжести загнуться. / Писать о жизни – главная задача. / Стихи потом судьбою обернутся». Не сложно заметить, что последнее утверждение поэта созвучно, например, эстетическим воззрениям Н. Гумилёва, творившего свою судьбу в стихах.

В раздел «День брусники» вошли стихотворениями о детстве поэта, о его малой родине и самых близких людях: матери, отце, брате, жене («Мама», «Бахча», «9 мая 1965 года», «Криница» и др.).

Раздел «Лучшая дорога нашей жизни» – своеобразное путешествие по трассе БАМа, на которой лирическому герою В. Гузиев знаком и бесконечно дорог каждый город и посёлок: Тында, Могот, Кувукта, Ларба, Хорогочи и др. Вряд ли этот раздел предназначен для широкого круга читателей. Большинство его стихотворений найдёт отклик в душе тех людей, которые непонаслышке знают, что такое БАМ и суровая таёжная природа.

Создавая поэтическую историю о «трассе века» автор ничего не приукрашивает. Строительство БАМа было сопряжено с огромными трудностями, в том числе и бытовыми, но, несмотря на это, герои В. Гузиев не унывают: они легко преодолевают преграды, находя в этом особую прелесть: «А печь в нашем доме была словно домна, – забрось хоть вагон, всё равно будет мало. Дымила сквозь выюшки она неуёмно, но только не грела, а завывала. <...> Но мы, приспособившись, разогревали супы из консервов в котлах на костре. И был у тех супчиков запах особый, и сладким казался мороженый хлеб» («Первая зима на БАМе»).

Стремясь выразительнее подчеркнуть силу духа и неиссякаемую энергию строителей БАМа, В. Гузий прибегает к гиперболизации, его герои под стать могучей таёжной природе: «Да, здесь нехилые ребята – / Когда выходят из тайги, / То в три наката, в два обхвата / Себе варганят пироги» («Пирог»). Образы некоторых героев мифологизированы: знакомый каждому бамовцу бригадир Бондарь, подобно древнегреческому богу Антею, «к рельсам припадает», «и дорога возвращает» ему силы («Балластировка пути»).

Общее дело – дело служения родине – объединило людей самых разных национальностей. Об этом стихотворение «Вечер в Икабье», которое сегодня, по прошествии года со дня начала грузинской агрессии против осетинского народа, звучит очень актуально: «После стыковки, в октябре, / Зазвали нас к себе грузины... / <...> / И предложение приняв, / Мы за столом собрались тесно / И, первый тост за БАМ подняв, / Запели бамовские песни / <...> / И песня то ручьём текла, / То улетала птицей в выси, / И от таёжного стола / Летела в солнеч-

ный Тбилиси. / А вслед за тёплым Тбилиси / Москву воспели голосисто: / И про Садовое кольцо, / И про румяных гимназисток. / И вслед за славною Москвой, / Конечно, спели “за Одессу”, / Про Учкудук – родник живой / И про полесскую Олесю».

При этом В. Гузий далёк от идеализации происходившего на БАМе. В стихотворении «Первая калитка» «таёжному братству», доверию, царящему среди людей («Живём романтикой таёжной / И доверяем всем вокруг. / Посёлок новый, молодёжный, – / Здесь первый встречный – первый друг»), противопоставит мир собственничества, мещанства («Но что за новость? Да, калитка... / В посёлке нашем? Ну, дела!»). В этом мире «всё конкретно», и таким богатствам, как «туманы, сопки, реки, даль», некоторые всё-таки предпочитают «ковры, рубли, резной хрусталь».

Одним из самых проникновенных стихотворений сборника является «Тында». Оказавшись в Москве, герой испытывает непонятные чувства: на улицах столицы «пахнет жжёной листвой и покоем. / А ещё – непонятной тоскою. / И совсем уж неясно – тайгою». Среди гама московских улиц герою отчётливо слышится только «зелёное эхо»: «Почему ты в столицу уехал?», а затихающая Арбатская площадь не вызывает у него никаких эмоций, кроме воспоминаний о родном городе: «Только в Тынде просторней и проще. / Там и люди понятнее, ближе – / Я любого в отдельности вижу / И о каждом хоть что-нибудь знаю...» И герой понимает парадоксальную истину: душой он навсегда останется в городе, название которого в переводе с эвенкийского – «тебя отпускаю»: «Звёздный пояс повис над Москвою. / Пахнет жжёной листвой и покоем. / Я в себе целый город таскаю. / Тында всё-таки не отпускает».

Понять чувства героя несложно. В стихотворении «Зеркало» читаем: «Москва в те года – захоlustье, / Столица застойнейших лет. / Нет хода поэту в искусстве, / Тарковскому хода нет... / А в Тынде – всё в первую очередь. / Здесь зритель умнейший – поймёт...»

Многие стихи «Чукчуду» наполнены горечью несправедливого забвения самоотверженного труда бамовцев:

Чтоб так разрушать –
это надо уметь,
В такой заварухе –
особый секрет,
Когда созидающему
поколенью
Так подло и зло
перебили хребет.
Запомнит нас всех,
но простит нас едва ли
Дорога, которую
мы потеряли.
Я знаю, что БАМу
вернут его имя
И честный навряд ли
забудется труд,
Но мы к тому времени
станем другими.
Ожоги предательства
уж не сойдут.
(«Я шёл двадцать лет...»)

Особый ритмический рисунок – деление стиха на две строки – отражает глубочайший надрыв в душе лирического героя.

Тем не менее, он твёрдо верит в завтрашний день, силен духом и бесконечно жизнелюбив: «Главное – не слушать сводки новостей. / Новость главная, что ты живёшь на свете. / Главное с утра – узнать о снах детей. / Новость славная – во снах летают дети» («Новости»).

Поэт буквально прошёл пешком всю трассу «стройки века», взбирался на вершины Кодара, сплавлялся по горным порожистым речкам. Именно поэтому одна из главных тем «Чукчуду» – красота и величие таёжной земли, открывающиеся не каждому: «Какие сегодня накрыты поляны! / Аж мари шатает / От щедрых даров. / И камни валяются, / Вдребезги, пьяно, / Среди разбредающихся стволов» («Праздник»); «Кометой косматой и взрывом вразлёт, / Пучками изломанных линий, / По-дикому, сочно татарник цветёт, / Колочий, сиренево-синий» («Татарник»). «Да, есть и топи непролазные, / Коряги, гнус, осоки лезвия. / Но можно видеть всё по-разному: / Кому-то – сор, кому – поэзия» («В низовьях Верхней Ангары»).

Герой пейзажной лирики В. Гузия – человек, тонко чувствующий природу, упивающийся ритмичностью происходящего: «Здесь ход событий завидно точен, / Канва явлений всегда проста: / День распускания первых почек, / День улетающего листа» («День брусники»).

В раздел «Цветы у зимовья» вошли стихотворения, посвящённые амурским поэтам: Валерию Черкесову («Вокзальная скамья»), Владимиру Юринскому («Поэт»), Надежде Пузыревской («Серебряная колея»), «Тамаре Шульге», «Жанне Ржевской», «Виталию Лукашенко», Александру Симакову («Совещание молодых писателей»), Виктору Яганову («Рабочий поэт»), Алексею Воронкову («Тонкие книжки»), Игорю Игнатенко («Стезя», «Метеорит»), Олегу Маслову («Книга врача»), Александру Бобошко («Гость»), Григорию Шумейко («Глядя на звёзды»), Владиславу Лещику («Меж амурских вагантов...») и др.

Несомненный интерес вызовет у читателя раздел «Пересечение дорог», в котором поэт вспоминает имена классиков русской и мировой литературы: Ахматову, Гюго, Есенина, Мольера, Пушкина, Рождественского, Шекспира и многих других. Одни стихотворения имеют иронический характер и в жанровом отношении напоминают эпиграммы: «...И ревность, ревность через столько лет. / Да, он не ими вовсе очарован. / Имеет право выбора поэт. / Прекрасны поэтессы, спору нет. / Но для него прекрасней Гончарова» («Ахматова, Цветаева и Пушкин»). В других В. Гузий размышляет о трагических судьбах поэтов: «Судьба замкнулась почерневшим кругом, / И круг качнулся в образе петли. / Грешно, грешно, невероятно грешно. / Мороз в душе и холод по спине. / Нельзя. Нельзя. Но это неизбежно / В безбожной, отравившейся стране» («Есенин написал посланье кровью...»). В стихотворении «Март» с помощью развёрнутого сравнения автору удаётся передать особенности ранней лирики Маяковского: «В нём много и слезливого, и спорного, / Но дерзок и талантлив март московский, / И в нём смешение и жёлтого, и чёрного. / Прямо не март, а ранний Маяковский».

Книга избранных стихов В. Гузия позволяет почувствовать своеобразие художественной манеры автора. Часто он обращается к повторам, открывающим его как человека основательного, твёрдого в своих убеждениях: «День белых

вишен, День белых вишен / Тебя прозрачной накрыл фатой» («День брусники»); «И так сладко, так сладко, так сладко / Таёт запах черёмух в ночи» (Таёжное танго); «Всё повторилось, повторилось, повторилось. / Опять черёмуха стоит, белым-бела. / Всё повторилось, повторилось, повторилось. / Вот так же моя мама не спала» («Мой сын влюбился...») и т.д.

В некоторых стихотворениях открыто звучат публицистические нотки, напоминая о журналистском прошлом автора: «Праздник единенья всех со всеми / Самый светлый праздник для людей... / А потом “застоем” это время / Назовёт бездарный прохиндей» («9 мая 1965 года»).

Изысканная простота стиха, богатая рифма, несложные запоминающиеся метафоры и сравнения, ненавязчивая звукопись – всё это позволяет говорить о поэтической одарённости автора.

Сборник стихотворений прекрасно оформлен. В разделе «И юность ушедшая всё же бессмертна...» читатель найдёт фотографии, представляющие В. Гузия как поэта, участника «стройки века», путешественника, человека, влюблённого в столицу БАМа, и, наконец, как заботливого отца и любящего мужа.

Книга вышла под редакцией автора, её тираж составил 300 экземпляров.

Игнатенко И.Д. Простые ритмы: Стихи. – Благовещенск, 2008. – 112 с.

«Простые ритмы» – очередной поэтический сборник И. Игнатенко, в который вошли стихотворения, написанные в последние годы.

«Простые ритмы» – книга, которую не хочется закрывать, а закрыв, хочется открыть снова. Удивительно, как точно название сборника передаёт его основную тональность: простота – душевный покой, гармония, внутренний лад – ощущается во всём и, самое главное, в жизненной философии автора.

Всё происходящее воспринимается им спокойно, без надрыва. И дело здесь не в равнодушии, а в мудром отношении к жизни.

Счастье лирическому герою И. Игнатенко представляется вполне конкретно – это дом, родные люди, собравшиеся за чашкой чая и вспоминающие об ушедшем лете:

Вот засушим пестики-тыччинки –
Будет нам добавка в чай зимой.
То-то славно чашки по две чинно
Выпить и распариться, как в зной.
И припомнить липу у просёлка,
Ложечкой в стакане шевеля,
Иволгу, степную перепёлку,
Неба высь, гудение шмеля.

(«Липовый цвет»)